

царин, оскільки порушена проблематика є предметом дослідження з україністики загалом.

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ КЛАССИКИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ

Б.Н.ТАРАСОВА

Харченко Вера Константиновна

(Белгород, Россия)

Б.Н. Тарасов «Тайна человека» и тайна истории: непрочитанный Чаадаев, неопознанный Тютчев, неслышанный Достоевский». СПб.: Алетейя, 2012. – 352 с.

В современной гуманитарной науке, в частности в филологии, исследовательский и «рецензионный» векторы, как правило, разведены в пользу первого вектора, в силу чего рецензии не воспринимаются научным сообществом как один из исследовательских жанров-канонов. Типичны ситуации, которые можно обозначить как микрорецензирование, то есть весьма распространённая (что, конечно же, хорошо!) цитация в собственной работе значимых фрагментов «чужих» исследований. Однако такое «лоскутное», продиктованное собственной темой, изучение трудов предшественников и современников сопровождается заметным отсутствием опубликованных комплексных, суммарных, обобщающих характеристик большинства монографий. Не стало традицией цитировать рецензии, то есть и этот фонд размышлений включать в орбиту анализа материала. (Правда, всё сказанное требует соблюдения одного серьезнейшего требования: автор монографии не должен лукаво становиться подпольным автором рецензии на свою же собственную работу!). Кстати, материалами для рецензий монографических трудов могут становиться и отзывы оппонентов о докторских диссертациях, драматические моменты которых, как, впрочем, и пафосные, в соответствии с тем, что изложено в монографии диссертанта, содержат немало интересных

поворотных точек, которые требуют внедрения в общее пространство исследовательских усилий, а не только в архивные подземелья ВАК.

Итак, книга профессора Бориса Николаевича Тарасова, с 2006 года – ректора Литературного института им. А.М. Горького. Начнём с издательства. Показывая обозначенную книгу приехавшему из Тбилиси кандидату филологических наук Янису Ашотовичу Манукяну, мы услышали: «Алетейя»? Это то издательство, книги которого можно покупать, не задумываясь, не глядя! Это – уровень!» К тому времени книга Б.Н.Тарасова была уже нами прочитана, и мы полностью согласились с прозвучавшей оценкой. Действительно, в рецензируемой книге выдержан глубокий уровень подхода. Действительно, в исследовании правят бал актуальность и новизна оценок. В подзаголовке интригующая триада, три автора, которым уделено равновесное внимание исследователя. Это (в обратном порядке) наиболее изученный, «модный», весьма востребованный зарубежным литературоведением Ф.М. Достоевский; Ф.И. Тютчев, рассматриваемый чаще и глубже как поэт, но отнюдь не как философ, и, наконец, П.Я. Чаадаев, отношение к которому в отечественной филологии неизменно повернуто на диагноз. Выровнять все эти три линии, три вектора мысли – задача не из простых, но помогают определяющие, вынесенные в подзаголовок слова: непрочитанный, неопознанный, неслышанный. Заметим, что это в России – стране подчёркнуто литературоцентричной, где писатель заведомо воспринимается как пророк. Ценность книги Б.Н.Тарасова, прежде всего, в том, что, во-первых, она даёт бой стандартным оценкам, а во-вторых, проецирует этику мировоззренческого подхода исследуемых писателей на сегодняшний день, когда мы имеем, что имеем.

Беда современной этико-философской мысли заключается в том, что она не встраивается в мейнстрим современности. По мысли Г. Сунягина, у нас в вузах преподают не философию, а историю философии: [Сунягин 2011: 147-150]. Современный политический дискурс и медиа-дискурс – увы и ах! –

далеки от науки, научные наработки в них не встраиваются. Борису Тарасову удалось совместить научный подход с цитатами, анализом, аргументацией и политико-публицистический подход, в свете которого слишком многие высказывания Чаадаева, Тютчева, Достоевского (впрочем, и других авторов, упоминаемых в книге) звучат более чем злободневно. В триаде писателей Чаадаеву уделено больше внимания, поскольку философско-этическая мысль Чаадаева менее известна современному читателю. Анализируя ранее шестисотстраничную книгу профессора В.В. Щеулина (Липецкий государственный педагогический университет), мы подчеркнули зарождение нового жанра: научно-публицистического трактата [Щеулин 2012], признаками которого являются: объем материала и широта охватываемых проблем, междисциплинарность подхода, научно-публицистический стиль изложения, облегчающий процедуру внедрения наработанного учёным в ситуации современности.

Вышедшая в том же 2012 году книга профессора Б.Н. Тарасова также может быть истолкована как научно-публицистический трактат. Покоряет блестящее владение литературой вопроса. В орбиту дискуссии втянуты авторы, которых мы бы вряд ли когда прочитали, но которые помогают понять духовно-психологическое состояние, например П.Я. Чаадаева, манеру философа оставлять карандашные отметки на книгах. Автор не только обращается к О.Г. Шереметьевой – исследователю библиотеки П. Чаадаева, но и сам комментирует пометки на полях книг.

Б.Н. Тарасов раскрывает мучительный путь П.Я. Чаадаева в попытке согласовать притязания ума с «покорной верой» (с. 55), демонстрирует прозорливость философа: «Нельзя сделать открытия, не предполагая заранее, затем оно доказывается и подтверждается наблюдением, опытом или рассуждением, но всегда необходимо предположение» (с. 58). Напомним, что в современной гносеологии и эпистемологии, теории исследовательской мысли, идея предваряющего открытия, «предположения» зазвучала лишь с середины

XX века. Не удержимся, чтобы не процитировать ещё одно высказывание Чаадаева, которое автор книги трактует как весьма злободневное: *«Необходимо добиться, чтобы новшество из-за одной новизны своей никогда... не ценилось»*. Замечательно вписывается это предостережение Чаадаева в ситуации с наукой, с образованием сегодняшнего дня. А требование Чаадаева отказаться от роковой экзистенциальной привычки всё относить к себе, дабы обрести «рассудок без эгоизма»? Автор подробно останавливается на положительных оценках Чаадаевым нравственных элементов русской культуры, которые столь часто замалчиваются или подвергаются сомнению.

Но даже не это составляет главный пафос рецензируемой книги. Автор пишет о набирающем обороты процессе политизации мыслей и даже чувств, под прессом которой оказываются «не успевающие сказать своё цельное и полное слово мыслители и писатели прошлого. Они снова подвергаются обрезанию, превращаются в какой-то подсобный материал для «плюралистической» борьбы и достижения общественно-политических целей» (с. 71-72).

На протяжении всей своей книги Б.Н. Тарасову не единожды приходится давать бой, например Ольге Кучкиной, приписывающей Чаадаеву в качестве единственной заслуги обличение крепостного права (с. 73). Более того, увидевшей в самом храбром в нашей литературе герое Петре Гринёве (на фоне виселиц ответившем Пугачёву, что не нарушит присяги, то есть пойдёт против Пугачёва!) лишь *«худосочную дворянскую спину»*.

Не менее интересны, рельефны страницы, посвящаемые другому философу – Федору Тютчеву. Б.Н. Тарасов не единожды открывает нам известное имя с неизвестной, актуальной для нас стороны. Как-то мы даже пытались отследить, сколько раз цитируется тютчевское «Умом Россию не понять...», цитируется, дабы... не цитировать ничего другого, не менее глубокого. Б.Н. Тарасов раскрывает перед читателем поэта, философа с удивительной стороны, например через возражение Ф. Тютчева Шеллингу:

«Сверхъестественное лежит в глубине всего наиболее естественного в человеке. У него свои корни в человеческом сознании, которые гораздо сильнее того, что называют разумом...» (с. 116). Ф. Тютчев переживал, что преобладающим аккордом становится принцип личности, *«доведённый до какого-то болезненного неистовства»* (с. 119), что теоцентризм сменился антропоцентризмом: всякая власть исходит от человека, что не есть хорошо... Увы и ах! Редкая диссертация по лингвистике не начинается сейчас с реверанса именно антропоцентризму. Модное слово отнюдь не безобидно. Тютчев не познан. *«Не плоть, а дух растлился в наши дни»*. Книгу хочется пересказывать и цитировать, зачитывать фрагменты, а ведь это показатель профессионализма автора и своевременности идей и акцентов.

Современный философ Мераб Мамардашвили писал о поступке, философии поступка, невыгодного человеку, но побуждающего совершить этот высоконравственный шаг [Мамардашвили 2000: 70]. Оказывается, эта мысль восходит ещё к Тютчеву, писавшему о необходимости *«различать наше Я от нашего не-Я»*, и находит продолжение в работах Михаила Бахтина, Питирима Сорокина. Православие – это не только храмы и обряды, это ещё и поведение, отношение к своим близким. Особый разговор в книге вызывает вынесенная в название одной из глав строка митрополита Московского и Коломенского Филарета: *«Недостатки охранителей обращаются в оружие разрушителей...»*. Идея «идеального самодержавия» должна найти в обществе *«достойных и талантливых выразителей»*. Скольким решениям недостаёт сейчас достойных и талантливых выразителей, чтобы не менять, а сохранять, не разрушать, а отстраивать, не конфликтовать, а объединяться!

Особое место уделено в книге Ф.М. Достоевскому, причём с анализом оценочных трафаретов, с одной стороны, и анализом специфики творчества писателя, с другой. Например, с учётом того факта, что Достоевский был психолог явный: в прозе писателя нет усреднённых типов. В этих главах Б.Н.Тарасов поднимает пласты исследований, которые редко цитируются, но

которые заслуживают внимания и оценки. Особое место уделено идее свободы, «свободного хотения», по Достоевскому, вплоть до «дикого каприза». *«Автор «Записок из подполья» устами своего героя-парадоксалиста утверждает свободу как глубочайший метафизический корень, основную ценность и одновременно самый крупный камень преткновения в жизнедеятельности людей»* (с. 193-194).

И что ещё значимо: в работе Достоевский вписан в круг своего чтения и мальчиком, пребывающим под воздействием романов ужасов и тайн Анны Радклиф, и состоявшимся писателем, восхищающимся гением Виктора Гюго, и полемистом, защищающим христианский свет пушкинской Татьяны, и рекомендовавшим дочери читать и перечитывать Диккенса. Исследуя крупных писателей, мы часто сразу переходим к их творчеству, не учитывая воздействия на них космоса прочитанного, принятого или не принятого сердцем. Отсюда гениальность и точность идеи, попытка показать носителей идеалов (князя Мышкина, Алешу Карамазова) среди реально живущих людей. *«Зосима отмечает двойное благотворное воздействие конкретного добра – на личность, его совершающую, и на того, на кого оно направлено»* (с. 346). Тексты Достоевского тому подтверждение.

Выше мы упомянули литературоцентричность россиян, не раз отмечавшуюся исследователями (А.М. Панченко, Ю.М. Лотманом) и писателями-публицистами (В. Пьецухом). Но вот что интересно. Обилие звёзд первой величины на общелитературном небосклоне приводит к тому, что изучавшихся авторов продолжают изучать ещё пристальнее, тогда как другим писателям уделяется внимания всё меньше и меньше. Так образуются сгустки интереса. Задача отечественных литературоведов регулировать этот, в чём-то неизбежный процесс, и Б.Н. Тарасов свою глубокую и интересную книгу посвятил как раз тому, чтобы П. Чаадаев был нами прочитан, Ф. Тютчев познан, а Ф. Достоевский, наконец-то, услышан.

Выводы

1. Анализ книги Б.Н. Тарасова, как ранее предпринятый нами анализ книги В.В. Щеулина, продемонстрировал зарождение нового жанра, который можно обозначить как научно-публицистический трактат. Научно-публицистический трактат – это объёмное по материалу сочинение, сочетающее в себе яркость личной позиции автора по животрепещущим вопросам современности с научной базой доказательности, аргументации своих заключений, то есть с цитатами, отсылками, параллелями, реминисценциями, соположениями и, что немаловажно, с собственным исследованием затрагиваемой злободневной проблемы.

2. Рецензируемая книга Б.Н. Тарасова открывает такое «белое пятно» в современном литературоведении, как глубокое описание-соположение ряда имён на литературном небосклоне, что на порядок труднее, чем изучение одного-единственного имени. Чаадаев и Достоевский, Тютчев и Чаадаев, Достоевский и Тютчев – такие проекции углубляют представление о каждом из выдающихся писателей, и это на перспективу может послужить отправной точкой иных соположений в структуре классиков и первого ряда, и не первых рядов. Бинарное, терциарное исследование писателей-классиков требует разработки своей методологии, не допускающей остановки на констатации фактов по типу, например: у Пушкина так, у Лермонтова – так. Здесь исследовательская мысль работает в категориях сопряжения, опровержения, взаимодополнения, прогноза, ретроспекции.

3. В своей книге Б.Н. Тарасов стремится, с одной стороны, защитить каждого из трёх избранных авторов от расхожих, банальных оценок-клише, а с другой стороны – выявить злободневность классики, точность прогнозов развития России, к чему целесообразно прислушаться и что можно взять на вооружение и «озвучивание», как, например, тезис Чаадаева о недопустимости новизны только во имя новизны. Столь же актуален сейчас тезис Ф. Тютчева о недопустимости торжества антропоцентричности в ущерб теоцентричности.

4. Автор книги обратил серьёзное внимание на круг чтения каждого из писателей. Такую библиографическую наиважнейшую компоненту мы нередко вообще опускаем, тогда как именно она способна объяснить многое в идиостиле и идиолекте писателя, в сюжетах и композиции (чтение юным Достоевским книг Анны Радклиф). Здесь просматривается значимость библиографического метода в исследовании творчества того или иного писателя-классика, что актуально сейчас, когда книжную культуру вытесняет культура Интернета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамардашвили М.К. Из краткого введения в философию // Вопросы философии. 2000. № 12. С. 64-73.
2. Сунягин Г. Философия в университетском сообществе // Нева. 2011, № 2. С.147-156.
3. Щеулин В.В. В поисках истины: Из истории вопроса о том, откуда и кто мы, русские. Елец: Изд-во Елецкого гос.ун-та им. И.А. Бунина, 2012. – 608 с. *Рец.*: Филоlogos. Вып. 16 (1). 2013. С. 96-98.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: О КНИГЕ Е.В. ТОНКОВА «ЗАПИСКИ ПРОРЕКТОРА»

Харченко Вера Константиновна

(Белгород, Россия)

Собственно, это подзаголовок, название же книги – «Будни педагогического вуза». Это своеобразное продолжение предшествующей книги «Будни сельской школы», где автор повествует о своей работе сначала в малокомплектной школе, потом в средней общеобразовательной (Новая Усмань Воронежской области). У обеих книг сходный эффект: начинаешь читать – и оторваться уже невозможно потому, что написано живо, правдиво, с присущим самому автору уникальным чувством юмора, и потому, что покоряет чувство ответственности не только за дело, которому служил, но теперь и за слово об этом деле.